А. С. ГРИБОѢДОВЪ.

РѢЧЬ

по случаю столѣтняго юбилея со дня рожденія поэта 5 января 1895 года.

Е. В. Пѣтухова.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й.
1895.

В. И. ЛЕНИН

БЫЛ САМЫМ АККУРАТНЫМ

ЧИТАТЕЛЕМ БИБЛИОТЕКИ

Владимир Ильич, разумеется, не считал предосудительным или ниже своего достоинства быть одним из самых аккуратных абонентов библиотеки имени Г. А. Куклина. Он вполне одобрял и ценил заведенные нами „строгие" порядки, обеспечивающие правильный кругооборот книг и целость редкостных экземпляров и архивных материалов. Владимир Ильич НЕ „ЗАЧИТАЛ" НИ ОДНОЙ КНИГИ и всегда уплачивал за чтение по тарифу.

Из воспоминаний тов. Карпинского „Записки Института ЛЕНИНА" т. II, стр. 97.

Издание Куйбышевской областной библиотеки

ЕО 13578. Зак. 50 тир. 50000. Тип. КуАИ,

А. С. ГРИБОѢДОВЪ.

РѢЧЬ

по случаю столѣтняго юбилея со дня рожденія поэта 5 января 1895 года.

Е. В. Пѣтухова.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й.
1895.

Печатано по распоряженію Историко-Филологическаго Общества при Институтѣ Князя Безбородко въ Нѣжинѣ.
Предсѣдатель Общества **Ф. Гельбке**.

А. С. ГРИБОѢДОВЪ.

(1795—1895).

РѢЧЬ,

произнесенная въ торжественномъ засѣданіи Историко-Филологическаго Общества при Институтѣ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ по случаю исполнившагося столѣтія со дня рожденія А. С. Грибоѣдова.

Д. чл. **Е. В. Пѣтухова.**

Мм. Гг!

Въ исполненіе возложеннаго на меня почетнаго порученія Историко-филологическаго Общества говорить сегодня объ А. С. Грибоѣдовѣ, я рѣшаюсь остановить Ваше вниманіе на такомъ вопросѣ касательно автора „Горя отъ ума“, который въ одинаковой мѣрѣ долженъ интересовать и его біографа, и критика его сочиненій. Непродолжительная, такъ трагически окончившаяся жизнь Грибоѣдова не была богата внѣшними фактами, сколько позволяютъ судить объ этомъ имѣющіяся данныя, и интересъ наблюдателя этой исключительной, глубоко одаренной и несчастной личности неудержимо переносится къ исторіи ея внутренней жизни, ея умственнаго развитія и душевнаго настроенія, гдѣ, какъ оказывается при ближайшемъ разсмотрѣніи, можно найти не менѣе, если еще не болѣе трагизма, чѣмъ въ преждевременной и жестокой смерти поэта, передъ которымъ только что открылась литературная слава, семейное счастіе и выгоды блестящаго общественнаго положенія.

А. С. Грибоѣдовъ родился 5 янв. 1795 года, въ родовитой дворянской семьѣ, въ Москвѣ. „Домъ, въ которомъ жилъ Грибоѣдовъ—говоритъ одинъ изъ біографовъ поэта—и который сохранился почти до сихъ поръ въ томъ видѣ, въ какомъ былъ

при нихъ, находится въ той части Москвы, которая и теперь не совсѣмъ утратила характеръ барскаго квартала, и своими старинными фасадами, фронтонами и львами на воротахъ, домами-особняками, назначенными для одного лишь семейства и окруженными многочисленными службами, напоминаетъ о прежнемъ бытѣ богатаго помѣщика. Въ этомъ московскомъ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ въ старину сложились особые нравы и порядки; въ то время какъ въ другихъ частяхъ города лишь изрѣдка виднѣлись дворцы магнатовъ, высившіеся изъ нестройныхъ группъ мѣщанскихъ построекъ, здѣсь селились одни „столбовые", составляя замкнутый міpокъ, связанный узами родства, свойства, дружбы и сплетенъ. Себя только и свою жизнь эти люди считали *свѣтомъ*; у нихъ были свои мудрецы, законодатели и законодательницы свѣтскихъ приличій, свои esprits forts. Родовыя и общественныя традиціи свято наблюдались, и самостоятельная жизнь гасла и замирала въ этомъ заколдованномъ кругу" [1]). Въ этой обстановкѣ пробылъ Гр. свои дѣтскіе и отроческіе годы. Наиболѣе вліятельнымъ лицомъ въ семьѣ Грибоѣдовыхъ была мать поэта, Настасья Ѳедоровна, которая, при всей любви къ сыну и именно въ силу этой любви, не хотѣла предоставить ему свободы ни самостоятельнаго развитія, ни выбора среды будущей его дѣятельности, направляя все сама по тому плану, который помогли ей выработать ея барскія понятія. Отецъ, по свойствамъ своего характера, игралъ въ своемъ домѣ незначительную роль, но за то Настасья Ѳедоровна нашла себѣ ревностнаго и вполнѣ единодушнаго помощника въ своемъ братѣ Алексѣѣ Ѳедоровичѣ Грибоѣдовѣ (изъ другой вѣтви того же рода), который былъ весьма замѣтнымъ лицомъ въ тогдашнемъ московскомъ свѣтскомъ обществѣ и взялъ на себя обязанность ввести своего племянника въ тотъ кругъ, который считалъ для него единственно приличнымъ и необходимымъ для его будущей карьеры. Впослѣдствіи Гр. вспоминалъ объ этомъ руководителѣ своей юности не безъ горечи и сарказма, причисляя его къ тѣмъ людямъ, у которыхъ „была въ душѣ безчестность и лживость на языкѣ"; „онъ какъ левъ дрался съ турками при Суворовѣ, потомъ пресмыкался въ переднихъ всѣхъ случайныхъ людей въ Петербургѣ, въ отставкѣ жилъ сплетнями.

---

[1]) *Алексѣй Веселовскій.* Этюды и характеристики. М. 1894, стр. 495—496.

Образецъ его нравоученій: *я, братъ* [1])"! Живая, даровитая, воспріимчивая и съ задатками протеста натура Гр.—юноши питалась въ этой средѣ такой духовной пищей и набиралась такихъ наблюденій и впечатлѣній, которыя впослѣдствіи блистательно выразились въ глубоко-сатирической идеѣ „Горя отъ ума", составивши самый живой нервъ этой комедіи. Дядя Алексѣй Ѳедоровичъ нашелъ въ ней мѣсто въ лицѣ Фамусова.

Воспитаніе въ болѣе тѣсномъ смыслѣ и обученіе мальчика поручено было иностранцамъ: сначала ученому, но педантическому Петрозиліусу, а затѣмъ Богдану Ивановичу Іону, также весьма ученому человѣку—доктору правъ, знатоку классиковъ—который съ ученостію соединялъ добродушный характеръ, съумѣлъ привязать къ себѣ своего воспитанника и сдѣлался для него не только наставникомъ, но и близкимъ другомъ. Вмѣстѣ съ прохожденіемъ первоначальныхъ основъ научнаго образованія, имѣвшаго цѣлію подготовить юношу для поступленія въ университетъ, у Гр. шли весьма основательныя музыкальныя занятія, которыя впослѣдствіи сдѣлали изъ него далеко недюжиннаго піаниста и даже теоретика, въ музыкальномъ общеніи съ которымъ находилъ удовольствіе даже такой строгій цѣнитель какъ М. И. Глинка. Эти музыкальныя занятія раздѣляла съ Гр. его сестра Марья Сергѣевна, которая сочувствовала брату и во многомъ другомъ, кромѣ музыки, и съ которой дѣлился онъ своими по большей части отрицательными и сатирическими впечатлѣніями отъ окружавшей ихъ жизни. Есть извѣстіе, что она принимала участіе въ выборѣ Гр. живыхъ оригиналовъ нѣкоторыхъ лицъ будущей комедіи (II. 525).

Замѣтивши богатыя способности сына, Настасья Ѳедоровна Грибоѣдова строила самые блестящіе планы относительно его карьеры, имѣя въ виду главн. обр. дипломатическое поприще. Чтобы окончательно расчистить ему въ этомъ отношеніи дорогу, мать отдала сына [2]) въ Московскій университетъ на этико-политическое отдѣленіе. На лекціи его неизмѣнно сопровождалъ

[1]) Сочиненія А. С. Грибоѣдова, подъ ред. *А. И. Шляпкина.* Спб. 1889, т. I, стр. 153—154.—Дальнѣйшія ссылки сдѣланы по этому же изданію.

[2]) Въ которомъ году—точно неизвѣстно. *Г. Шляпкинъ* полагаетъ, что въ 1810 или 1811 (I, стр. VII), но у *Шевырева* читаемъ: „въ кандидатахъ 1808 года встрѣчаемъ славнаго нашего комика Александра Грибоѣдова (Исторія Импер. Московскаго университета М. 1855, стр. 399); ср. объ этомъ письмо въ редакцію „Русскихъ Вѣдомостей" г. *В. Бабынина* 1895, № 25.

Іонъ, удерживая авторитетъ домашняго гувернера и оберегая своего воспитанника отъ соблазновъ. При такой тщательной охранѣ молодого человѣка отъ нежелательныхъ внѣшнихъ вліяній и случайныхъ знакомствъ и связей, Гр. очень трудно было тѣсно сблизиться съ кѣмъ-либо изъ своихъ университетскихъ товарищей; по крайней мѣрѣ мы не знаемъ въ этомъ отношеніи ни одного примѣра, но изъ профессоровъ особенное вниманіе Гр-ва привлекъ весьма извѣстный въ то время Іоганнъ Теофилъ Буле, читавшій исторію и эстетику, прекрасный знатокъ и издатель сочиненій Аристотеля, знатокъ и страстный любитель философіи, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ тогдашняго Московскаго университета, не только продолжавшій въ Москвѣ свои научныя занятія, начатыя на родинѣ въ Германіи, но и благодаря своей живой отзывчивости и широкой ученой любознательности—глубоко заинтересовавшійся вопросами русской исторіи и археологіи. Гр. пользовался университетскими и еще болѣе домашними курсами и бесѣдами Буле. Между ревностнымъ и ученымъ профессоромъ и даровитымъ и жаждавшимъ знаній студентомъ произошло сближеніе, изъ котораго Гр. вынесъ для себя чрезвычайно много пользы. Серьезныя научныя занятія съ Буле несомнѣнно играли въ умственномъ развитіи Гр. чрезвычайно важную роль, расширяя передъ нимъ разносторонній горизонтъ полезныхъ свѣдѣній, возбуждая научную любознательность и охоту къ самостоятельной работѣ въ области науки. Ученыя бесѣды Буле со своимъ любознательнымъ ученикомъ падали на весьма благодарную почву, подготовленную не только природными данными ученика, но и стараніями добраго и образованнаго Іона. Позднѣе Гр. возростилъ эти плодотворныя сѣмена, брошенныя на его воспріимчивый умъ и душу двумя нѣмцами, путемъ постояннаго самообразованія, чтеніемъ серьезныхъ и научныхъ книгъ; и можно безъ преувеличенія сказать, что если бы обстоятельства жизни Гр. сложились для него менѣе насильственно и ему была бы предоставлена возможность предаться занятію наукой, то изъ него выработалась бы замѣчательная научная сила. Въ его собственно литературной дѣятельности эти чисто научныя занятія сыграли не малую роль, т. к. пріобрѣтенная имъ солидная образованность, содѣйствуя разностороннему развитію его ума, помогла ему скорѣе и глубже распознаться въ современной дѣйствительности, опредѣлить свои отношенія къ окружав-

шей его средѣ и выработать независимый взглядъ на разнообразныя теченія тогдашней русской общественной мысли. Есть даже мнѣніе, не лишенное вѣроятности[1]), что Буле могъ имѣть нѣкоторое вліяніе на Грибоѣдова въ выборѣ послѣднимъ преимущественно драматическаго рода въ своей литературной дѣятельности. Буле былъ поклонникомъ комедіи, рано познакомилъ своего ученика съ римскими писателями-комиками, съ Аристотелемъ и, вѣроятно, простыя и здравыя мнѣнія послѣдняго о драмѣ, воспринятыя Гр. изъ вполнѣ авторитетнаго источника, были оцѣнены имъ по достоинству—въ противовѣсъ неотжившимъ еще въ ту пору (въ 10-хъ и 20-хъ годахъ нын. столѣтія) ложноклассическимъ литературнымъ понятіямъ и вкусамъ и пріобрѣтшей уже большой авторитетъ и силу въ литературѣ романтической мечтательности, неясности и неопредѣленности.

Въ университетѣ Гр. оставался недолго, вышедши изъ него въ 1812 году со степенью кандидата. Онъ оказался въ числѣ тѣхъ молодыхъ русскихъ людей, которыхъ охватила волна патріотическаго воодушевленія въ отечественную войну и которые, бросивъ мирныя занятія или шумныя развлеченія свѣтской жизни, взялись за оружіе. Гр. вступилъ въ полкъ, набиравшійся гр. Салтыковымъ, но смерть послѣдняго была причиною того, что полкъ былъ распущенъ прежде своего сформированія, и Гр. не пришлось побывать на полѣ военныхъ дѣйствій. Однако это обстоятельство имѣло на судьбу Гр. то вліяніе, что побудило его поступить въ военную службу,—и вотъ въ концѣ 1812 года Гр. оказывается въ Иркутскомъ гусарскомъ полку, стоявшемъ первоначально въ Могилевѣ, потомъ въ Слонимѣ и наконецъ въ Брестѣ, подъ начальствомъ весьма гуманнаго и просвѣщеннаго генерала А. С. Кологривова.

Это былъ первый самостоятельный жизненный шагъ нашего поэта. Съ перваго взгляда можетъ показаться удивительнымъ и непонятнымъ, что могло заставить талантливаго, образованнаго и умнаго юношу оставить столицу, домашній кровъ и ученыхъ друзей и засѣсть въ провинціальную глушь, въ товариществѣ такихъ служакъ, для которыхъ главнымъ интересомъ въ жизни былъ разгулъ и карты, и съ которыми Гр. не могъ дѣлиться богатыми—запасами своего научнаго и художественнаго образованія. Но если принять въ расчетъ тотъ семейный гнетъ, ко-

[1]) *Веселовскій*, цит. соч., стр. 501.

торый приходилось Гр. постоянно чувствовать въ родной обстановкѣ—гнетъ на мнѣнія, чувства и склонности—то такой шагъ можно напротивъ найти весьма естественнымъ. Восемнадцатилѣтній Гр. переживалъ въ это время весьма важную эпоху своего развитія. Его умъ вошелъ въ сознательное соприкосновеніе съ сокровищами науки въ хорошемъ ея источникѣ, уже достаточно понималъ лживость и односторонность окружавшей его среды и увлекалъ его въ противоположную сторону благородной, независимой и общеполезной дѣятельности; не засоренное условными требованіями чувство его возмущалось взглядами, понятіями и жизнію того самаго круга, къ которому привязывали его рожденіе и всегда высоко и нѣжно понимаемыя имъ обязанности сына. Въ его душѣ народился и вызрѣвалъ непримиримый протестъ противъ такой дѣйствительности и, не будучи способнымъ къ сдѣлкѣ, Гр. не могъ не чувствовать трагизма своего положенія. Полный энергіи, нравственной силы и благородныхъ стремленій, онъ не могъ не желать вырваться изъ этого заколдованнаго круга и выйти на свѣжій воздухъ, хотя бы при этомъ приходилось ему пожертвовать и кое-какими изъ такихъ условій московской жизни, которыя ему были по душѣ.

На первыхъ порахъ въ этой новой обстановкѣ Гр. предается безграничному веселью и весьма неумѣренно празднуетъ свое первое соприкосновеніе съ свободой. Выходокъ въ родѣ тѣхъ извѣстныхъ, о которыхъ разсказываетъ С. Н. Бѣгичевъ (I стр. VIII), было вѣроятно, немало, но объ этомъ періодѣ жизни Гр. мы имѣемъ весьма скудныя свѣдѣнія. Впрочемъ, и тутъ Гр. отыскиваетъ себѣ пріятеля по душѣ въ лицѣ только что упомянутаго своего товарища по службѣ С. Н. Бѣгичева, тѣсныя дружескія связи съ которымъ не прерывалось у него во всю послѣдующую его жизнь: Гр. нашелъ въ немъ, кромѣ добраго сердца, еще извѣстные умственные интересы, любовь къ литературѣ и искусству, и въ одномъ изъ первыхъ писемъ къ нему высказалъ убѣжденіе, что тогъ въ полку не можетъ имѣть друзей себѣ „ни по сердцу, ни по уму“ (I. 159). Въ это же время Гр. впервые выступаетъ въ печати двумя статьями (Описаніе праздника въ честь генерала Кологривова и „О кавалерійскихъ резервахъ“), напечатанными въ Вѣстникѣ Европы 1814 года: обѣ онѣ показываютъ несомнѣнное умѣнье и нѣкоторый навыкъ владѣть перомъ, а вторая, кромѣ того, свидѣтель-

ствуетъ еще о весьма серьезныхъ интересахъ къ экономической сторонѣ военнаго дѣла [1]).

Въ 1815 году Гр. появляется въ Петербургѣ, проводитъ здѣсь еще около года въ военномъ мундирѣ, пользуясь развлеченіями столичной жизни, сближаясь съ петербургскими литераторами и устраивая первое представленіе своей пьесы „Молодые супруги“ (29 сент. 1815 года), а затѣмъ въ мартѣ 1816 года выходитъ въ отставку. Еще черезъ годъ слишкомъ (въ іюлѣ 1817 года) онъ опредѣляется въ вѣдомство Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, а въ іюлѣ слѣдующаго 1818 года—секретаремъ при повѣренномъ въ дѣлахъ въ Персіи К. С. Мазаровичѣ. Переѣздъ въ Петербургъ составляетъ чрезвычайно важный моментъ въ исторіи развитія Гр.: онъ порвалъ связи со средой, въ которую вступилъ лишь по ст... стороннимъ побужденіямъ, не имѣя съ ней ничего общаго, и мѣняетъ ее на среду, ему гораздо болѣе близкую—петербургскихъ литераторовъ, куда влекла его рано пробудившаяся и уже нашедшая себѣ къ этому времени нѣкоторое выраженіе страсть къ литературѣ. Кромѣ С. Н. Бѣгичева, онъ никого не выдѣлялъ изъ своей прежней военной среды для душевнаго сближенія и нѣсколько позднѣе такъ писалъ своему другу, продолжавшему оставаться въ военной службѣ: „ты жалуешься на домашнихъ своихъ казарменныхъ Готтентотовъ: это—участь умныхъ людей, мой милый, большую часть жизни своей проводить съ дураками, а какая ихъ бездна у насъ!“ (I. 166). Кромѣ упомянутой передѣлки „Молодые супруги“, Гр. въ этотъ періодъ своей петербургской жизни въ сообществѣ съ П. А. Катенинымъ сочиняетъ комедію „Студентъ“ (1817), съ А. А. Жандромъ переводитъ съ французскаго піесу Барта Les fausses infidelités подъ загл. „Притворная невѣрность“ (представлена 11 февр. 1818 года), помогаетъ вмѣстѣ съ Н. И. Хмѣльницкимъ кн. А. А. Шаховскому въ соч. комедіи „Своя семья или замужняя невѣста“ (представлена 24 янв. 1818 года); кромѣ того, сочиняетъ нѣсколько мелкихъ стихотворныхъ піесъ и принимаетъ участіе въ журнальной полемикѣ, выступая на защиту перевода П. А. Катенина Бюргеровой

---

[1]) Есть извѣстіе, что еще въ началѣ 1812 года у Гр. были кое-какія наброски „Горя отъ ума“ (*Л. Майковъ.* Замѣтки объ А. С. Грибоѣдовѣ. Сборн. Студ. Спб. у-та, вып. II 1860, стр. 236). М. б., ко времени пребыванія въ Брестѣ въ 1814 году, относится и переводъ комедіи франц. писателя Creuzé de Sesser „Le secret du menage“ подъ заглавіемъ „Молодые супруги“ (I, стр, IX; II стр. 513).

баллады „Ленора". Эта послѣдняя статья замѣчательна по очень здоровымъ критическимъ сужденіямъ, высказаннымъ Гр. и указывающимъ на весьма значительное литературное и художественное развитіе автора. Современное ему романтическое теченіе въ литературѣ онъ называетъ „слезливымъ"; въ поэтическихъ произведеніяхъ онъ ищетъ „натуры", а находитъ лишь одни мечтанія; онъ сторонникъ „простоты" поэтическаго творчества и не прочь указать на „простонародныя пѣсни" какъ на такой матеріалъ, который не лишенъ художественнаго авторитета. О задачахъ литературной критики онъ такого мнѣнія: „естьли разбирать твореніе для того, чтобы опредѣлить, хорошо ли оно, посредственно или дурно, надобно прежде всего искать въ немъ красотъ. Естьли ихъ нѣтъ, не стоитъ того, чтобы писать критику" (I. 14—16. 23). Столь здоровыя сужденія въ тогдашней литературной средѣ далеко не были общими. Эта петербургская жизнь сильно пришлась по душѣ Грибоѣдову, и у него невольно навертывались сравненіе ея съ московской жизнью не въ пользу послѣдней. Объ этомъ онъ такъ говоритъ въ письмѣ къ Бѣгичеву отъ 18 сент. 1818 года: „Въ Москвѣ все не по мнѣ— праздность, роскошь, не сопряженная ни съ малѣйшимъ чувствомъ къ чему-нибудь хорошему. Прежде тамъ любили музыку, а нынче и она въ пренебреженіи; ни въ комъ нѣтъ любви къ чему-нибудь изящному... Отечество, сродство и домъ мой въ Москвѣ. Всѣ тамошніе помнятъ во мнѣ Сашу, милаго ребенка, который теперь выросъ, много повѣсничалъ, наконецъ становится къ чему-нибудь годенъ, опредѣленъ въ миссію и можетъ со временемъ попасть въ статскіе совѣтники, а больше во мнѣ ничего видѣть не хотятъ. Въ Петербургѣ я, по крайней мѣрѣ, имѣю нѣсколько такихъ людей, которые не знаю, на столько ли меня цѣнятъ, сколько я думаю, что стою; но, по крайней мѣрѣ, судятъ обо мнѣ и смотрятъ съ той стороны, съ которой хочу, чтобы на меня смотрѣли. Въ Москвѣ совсѣмъ другое: спроси у Жандра, какъ однажды за ужиномъ матушка съ презрѣніемъ говорила о моихъ стихотворныхъ занятіяхъ, и еще замѣтила во мнѣ зависть, свойственную мелкимъ писателямъ, оттого что я не восхищаюсь Кокошкинымъ и ему подобными" (I. 168—169). Это письмо было писано Гр. изъ Воронежа, уже на пути въ Персію. Не смотря на высказанное тутъ несочувствіе къ Москвѣ и къ сужденіямъ, господствовавшимъ въ его родномъ домашнемъ кругу, Гр. съ большой нѣжностію говоритъ въ этомъ

же письмѣ о матери и сестрѣ, вспоминая о прощаніи съ ними при проѣздѣ черезъ Москву: „мать и сестра такъ ко мнѣ привязаны, что я былъ бы извергомъ, если бы не платилъ имъ такою же любовью: онѣ точно не представляютъ себѣ иного утѣшенія, какъ то, чтобъ жить вмѣстѣ со мною. Нѣтъ! я не буду эгоистомъ: до сихъ поръ я былъ только сыномъ и братомъ по названію; возвратясь изъ Персіи, буду таковымъ на дѣлѣ, стану жить для моего семейства, переведу ихъ съ собою въ Петербургъ" (I 168). Проведши болѣе трехъ лѣтъ на службѣ въ Персіи, Гр. въ февралѣ 1822 года опредѣленъ былъ секретаремъ по иностранной части (главнымъ обр., для сношенія съ Персіей) при главнокомандующемъ на Кавказѣ А. П. Ермоловѣ и черезъ годъ своей новой службы, въ мартѣ 1823 года, получилъ отпускъ въ Петербургъ, проведши т. о. въ Персіи и на Кавказѣ безвыѣздно около пяти лѣтъ.

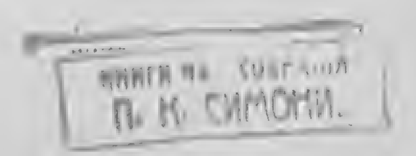
Это время, проведенное Гр. за предѣлами и на одной изъ отдаленнѣйшихъ окраинъ Россіи, среди чужого или получужого населенія, вдали отъ друзей и знакомыхъ, не могло пройти вполнѣ безслѣдно для нашего поэта. Прежде всего, онъ обогатилъ себя хорошимъ знаніемъ восточныхъ языковъ, особенно персидскаго и арабскаго. Объ этихъ знаніяхъ весьма горячо отзывался А. П. Ермоловъ въ письмѣ къ гр. К. В. Нессельроде, ходатайствуя передъ послѣднимъ о переводѣ Гр. на службу изъ Персидской Миссіи въ секретари по иностранной части къ главнокомандующему на Кавказѣ и проча его въ директоры школы восточныхъ языковъ которую имѣло тогда въ виду открыть русское правительство [1]; объ томъ же свидѣтельствуетъ и Н. Н. Муравьевъ (впослѣдствіи—Карскій), бравшій у Грибоѣдова уроки персидскаго языка, а взамѣнъ ихъ учившій его по-турецки [2]). 17 ноября 1820 года Гр. писалъ кн. А. А. Шаховскому (по французски): „познанія мои заключаются въ знаніи языковъ: славянскаго, русскаго, французскаго, англійскаго, нѣмецкаго. Въ бытность мою въ Персіи я занялся персидскимъ и арабскимъ [3]).

---

[1]) *А. Берже.* Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ въ Персіи и на Кавказѣ. „Русская Старина" 1874, октябрь, стр. 288.

[2]) Записки Ник. Ив. Муравьева Карскаго. „Русскій Архивъ" 1888. № 5, стр. 104—108.

[3]) Къ этому умѣстно прибавить здѣсь, что еще будучи университетскимъ студентомъ Гр. хорошо владѣлъ латинскимъ языкомъ, а позднѣе принялся и за греческій, отъ красотъ котораго былъ въ восторгѣ (I, 162).

Для того, кто хочетъ быть полезенъ обществу, еще мало имѣть нѣсколько выраженій для одной и той же мысли, говоритъ Ривароль; чѣмъ мы болѣе просвѣщены, тѣмъ полезнѣе можемъ быть своему отечеству. И я именно для того, чтобы пріобрѣсть познанія, прошу о увольненіи меня отъ службы или объ отозваніи изъ грустной страны, въ которой вмѣсто того, чтобы чему-нибудь выучиться, еще забываешь то, что знаешь“ (I. 175). Но Грибоѣдова занималъ не одинъ языкъ того населенія, среди котораго онъ находился; онъ присматривался и серьезно изучалъ политическія отношенія восточныхъ народностей къ Россіи, и результатомъ этого послѣдняго является какъ письмо его къ издателю „Сына Отечества“ изъ Тифлиса отъ 21 янв. 1819 года, въ которомъ онъ изобличаетъ недостовѣрность иностранныхъ газетныхъ извѣстій о событіяхъ въ Грузіи (I. 24—28), такъ въ особенности многія важныя замѣчанія въ его путевыхъ письмахъ касательно природы Персіи и Кавказа, географіи, этнографіи, исторіи и современнаго состоянія этихъ въ ту пору весьма мало изученныхъ странъ, наконецъ—отношеніе къ этимъ странамъ русской народности, какъ оно представлялось ему необходимымъ съ точки зрѣнія политическаго достоинства Россіи и ея государственныхъ интересовъ. Послѣ описанія пріема русскихъ персіянами въ Эривани, Гр. дѣлаетъ такое любопытное замѣчаніе: „Разгоряченный тѣмъ, что видѣлъ и проглотилъ, я перенесся за двѣсти лѣтъ назадъ въ нашу родину. Хозяинъ представился мнѣ въ видѣ добродушнаго москвитянина, угощающаго пріѣзжихъ изъ нѣмцевъ, фораши—его домочадцами, самъ я—Олеарій. Крѣпкіе напитки, сырыя овощи и блюдца съ сахарными брашнами, все это способствовало къ переселенію моихъ мыслей въ нашу сѣдую старину, и даже увертливый красный человѣчекъ, который хотя и называется Англичаниномъ, а право нельзя ручаться—изъ какихъ онъ, этотъ анонимъ, только разсыпался въ нелѣпыхъ расказахъ о томъ, что дѣлается за моремъ, я видѣлъ въ немъ Маржерета, выходца при Дмитріѣ, прозванномъ самозванцемъ, и всякаго другого бродящаго иностранца того времени, который въ нашихъ теремахъ пилъ, ѣлъ, разживался и, возвратясь къ своимъ, ругательствомъ платилъ русскимъ за русское хлѣбосольство“ (I 41). Въ другомъ мѣстѣ „Путевыхъ писемъ“, переходящихъ иногда въ чрезвычайно краткія и лаконическія замѣтки о видѣнномъ, слышанномъ или передуманномъ, это сочувствіе къ русской старинѣ переходитъ

въ выраженіе горячаго и самоотверженнаго патріотическаго чувства, высказаннаго по поводу тѣхъ же восточныхъ дѣлъ: „Голову мою положу за несчастныхъ соотечественниковъ" (I 56). Вполнѣ естественно, что умный и образованный Катенинъ совѣтовалъ Грибоѣдову подѣлиться съ читающей публикой своими свѣдѣніями и впечатлѣніями о Кавказѣ и Персіи, но въ ту пору Гр. отъ этого совершенно отказался—безъ сомнѣнія, предъявляя къ себѣ слишкомъ строгія требованія, въ этомъ отношеніи. Къ этому же времени относятся и весьма интересныя замѣчанія Гр. по разнымъ вопросамъ русской исторіи, которыя онъ набрасывалъ по поводу чтенія серьезныхъ историческихъ сочиненій и первоисточниковъ. Особенно обращаютъ на себя вниманіе замѣтки Гр. на разныя мѣста I книги Дѣяній Петра Великаго изд. Голиковымь (М. 1788); въ этихъ замѣткахъ, не смотря на ихъ отрывочность, и краткость, можно однако же прослѣдить вполнѣ ясно руководящую мысль и совершенно сознательное, критическое отношеніе къ читаемой книгѣ: на Петра онъ смотритъ весьма сдержанно и по мѣстамъ не скрываетъ своего недовѣрія и несочувствія къ его реформаторской дѣятельности (I 67. 71—75); это подтверждается и слѣдующими словами въ цитованномъ уже письмѣ къ Бѣгичеву изъ Воронежа: „Одинъ томъ Петровыхъ акцій у меня въ бричкѣ, и я зѣло на него и на его колбасниковъ сержусь" (I, 169). Къ этому же приблизительно времени относятся и замѣчательныя „Desiderata" Грибоѣдова, представляющія рядъ выписокъ, вопросовъ, замѣчаній и сопоставленій, обличающихъ обширную и серьезную начитанность Гр., широту его научныхъ интересовъ, глубину и проницательность хорошо развитого и смѣлаго ума. Замѣтки по содержанію своему вращаются гл. обр. въ области исторіи, археологіи и этнографіи Россіи, и намѣченные въ нихъ вопросы только въ наше время частію поставлены и разрѣшены наукой, а частію лишь ждутъ еще новой постановки и изслѣдованія. (I. 75—83).

Наконецъ, вдали отъ родины Гр. по временамъ усердно предавался и чисто-литературнымъ занятіямъ. Въ „Путевыхъ письмахъ", обращенныхъ къ С. Н. Бѣгичеву, онъ говоритъ: „въ Петербургѣ, гдѣ всякій приглашалъ, поощрялъ меня писать и много было охотниковъ до моей музы, я молчалъ, а здѣсь, когда некому ничего прочесть, потому что не знаютъ по-русски, я не выпускаю пера изъ рукъ" (I. 35). Хотя въ послѣднемъ

замѣчаніи должно видѣть нѣкоторое преувеличеніе [1]) и лишь слѣдъ мимолетнаго бодраго настроенія, однако въ эти годы Гр., кромѣ плана трагедіи „Родамистъ и Зенобія", плана и сцены изъ драмы „1812 годъ", маленькой піесы „Проба интермедіи" да двухъ небольшихъ стихотворныхъ вещицъ, обработалъ планъ „Горя отъ ума" и окончилъ два первые акта.

Общее настроеніе Гр. въ это время не можетъ быть названо свѣтлымъ; его тяготило одиночество, оторванность отъ литературнаго круга, съ которымъ онъ успѣлъ сжиться, и отъ друзей; по временамъ онъ жестоко скучалъ. „Смертная лѣнь и скука, ни за что приняться не хочется", писалъ онъ Катенину 26 марта 1819 года изъ Тегерана (I. 170); въ февралѣ слѣдующаго года изъ Табриза онъ писалъ ему же съ горькой ироніей: „положимъ однако, что я еще не совсѣмъ съ ума сошелъ; различаю людей и предметы, между которыми движусь" (I. 171). Въ письмѣ къ В. К. Кюхельбекеру изъ Тифлиса отъ 1 окт. 1822 года Гр. замѣчаетъ: „налегла на меня необъяснимая мрачность... Пожалѣй обо мнѣ, добрый мой другъ" (I 178), а 26 января 1823 года писалъ онъ изъ Тифлиса г-жѣ Ю. К. Глинкѣ (по французски): „Кто бы сказалъ полгода тому назадъ, что кончу я тѣмъ, что буду завидовать даже злополучной его звѣздѣ [2]). Ахъ! ежели чье-либо несчастіе можетъ облегчить другого несчастнаго, то передайте ему, что если онъ зналъ меня здѣсь прежде—беззаботнымъ, веселымъ и даже шаловливымъ, то за то теперь я въ тягость самому себѣ и одинокъ среди населенія, къ которому совершенно равнодушенъ; еще нѣсколько дней, и я покидаю этотъ городъ, оставляя здѣсь скуку и разочарованіе, которыя меня преслѣдуютъ здѣсь и которыя, быть можетъ, я обрѣту и въ другомъ мѣстѣ" (I. 181—182). Съ такимъ невеселымъ настроеніемъ ѣхалъ Гр. въ Петербургъ въ свой четырехъмѣсячный отпускъ, и нисколько неудивительно, что онъ постарался найти возможность обратить этотъ срокъ въ двухгодичное пребываніе въ сѣверной столицѣ. Для Грибоѣдова, какъ писателя, эти два года были самыми блестящими: кромѣ оперы-водевиля „Кто братъ, кто сестра" (представлен-

---

[1]) Въ письмѣ къ П. А. Катенину читаемъ нѣчто обратное (въ февралѣ 1820 года, изъ Табриза): „Веселость утрачена, не пишу стиховъ, можетъ и творились бы да читать некому, сотруженники не русскіе". (I. 172).

[2]) В. К. Кюхельбекера, жившаго въ это время въ деревнѣ въ большой бѣдности, послѣ невольнаго выхода въ отставку изъ службы на Кавказѣ.

ной 11 сент. 1824 г.) „Пролога къ Фаусту", „Хищниковъ на Чечемѣ" и еще нѣсколькихъ небольшихъ стихотворныхъ прозаическихъ вещей, онъ въ это время окончилъ „Горе отъ ума", уединившись спеціально для этого на нѣсколько недѣль лѣтомъ 1824 года въ имѣніе своего друга С. Н. Бѣгичева въ Ефремовскомъ уѣздѣ Тульской губерніи. Хотя комедія Гр. не была ни цѣликомъ напечатана при жизни автора, ни поставлена на настоящей сценѣ, но, быстро разойдясь во множествѣ списковъ какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, она доставила автору громкую литературную извѣстность, много друзей и много враговъ. Слѣды радостнаго настроенія отъ этихъ успѣховъ сохранились въ письмѣ Гр. къ Бѣгичеву отъ августа 1824 года (I. 185—186). Для характеристики той роли, которую игралъ въ это время Гр. въ литературныхъ кругахъ Петербурга весьма интересна (кромѣ разсказовъ П. А. Каратыгина, А. А. Бестужева и др.) піеса Ѳ. В. Булгарина „Литературные призраки", напечатанныя въ „Литературныхъ листахъ" 1824 года. Она написана въ формѣ бесѣды нѣсколькихъ литераторовъ, между которыми Гр. выведенъ подъ именемъ Талантина; здѣсь онъ съ большимъ жаромъ проповѣдуетъ о необходимости для писателя широкаго и основательнаго образованія, и такая роль Гр. совершенно совпадаетъ съ тѣми данными касательно этого предмета, о которыхъ мы говорили выше. Гр. тутъ выставенъ съ весьма благопріятной стороны, и сочувствіе автора піесы безспорно къ нему относится. Тѣмъ труднѣе поэтому понять въ высшей степени странное и рѣзкое по тону письмо Гр. къ Булгарину (съ которымъ онъ былъ до тѣхъ поръ въ очень хорошихъ, дружескихъ отношеніяхъ), послѣдовавшее въ октябрѣ 1824 года за опубликованіемъ этого произведенія; тонъ его крайне неспокойный и нервный, а нѣкоторыя выраженія указываютъ на тревожное состояніе духа Грибоѣдова: „всемѣрно отъ нихъ (людей) удаляюсь. Я просто въ несогласіи самъ съ собою" (I. 193). Впрочемъ, позднѣе отношенія между ними уладились, и мы имѣемъ цѣлый рядъ слѣдовавшихъ за тѣмъ весьма дружескихъ писемъ А. С-ча къ Булгарину. Мрачное настроеніе Гр. за это время проскальзываетъ и въ другихъ мѣстахъ его переписки. „Мы всѣ здѣсь ужаснѣйшая дрянь!" пишетъ онъ въ 1824 году къ Катенину (I 190); „Братъ—писалъ онъ въ началѣ слѣдующаго года къ Бѣгичеву—ты меня зовешь въ деревню. Коли не теперь, не нынѣшнимъ лѣтомъ, такъ вѣрно со

временемъ у тебя поищу прибѣжища, не отъ бурей, не отъ угрызающихъ скорбей, но рѣшительно отъ пустоты душевной. Какой міръ! Кѣмъ населенъ! И какая дурацкая его исторія!" (I. 194); въ февралѣ того же 1825 года онъ пишетъ Катенину: „живу я ...очень уединенно, рѣдко съ кѣмъ вижусь изъ старыхъ знакомыхъ, съ большимъ числомъ изъ нихъ не возобновилъ прежнихъ короткихъ связей, вновь ни съ кѣмъ не дружусь; лѣта не тѣ, сердце холоднѣе" (I. 199); въ маѣ того же года—къ Бѣгичеву: „Бѣдное человѣчество! Что наши радости и что печали?" (I. 200). Но по крайней мѣрѣ „холодности сердца" въ это время у Грибоѣдова мы вправѣ не совсѣмъ довѣрять: въ цитованномъ уже письмѣ къ Бѣгичеву отъ 4 января 1825 года онъ говоритъ о сближеніи своемъ съ танцовщицей Е. А. Телешовой: эта любовь отклонила его даже отъ задуманной поѣздки въ чужіе края (I. 194) [1]).

Причины мрачнаго настроенія Гр. были другія, и главной изъ нихъ была та, что его жизнь продолжала складываться совершенно противно его склонностямъ и вкусамъ. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе его тянула къ себѣ кабинетная жизнь, литературныя и ученыя занятія, наконецъ желаніе свить свое семейное гнѣздо, а между тѣмъ обстоятельства толкали его въ отдаленный край, къ службѣ, къ которой онъ не чувствовалъ внутренняго влеченія. Въ маѣ 1825 года онъ выѣхалъ изъ Петербурга и чтобы оттянуть время прибытія въ Тифлисъ, избралъ круговой путь черезъ Кіевъ и Крымъ. Литературнымъ результатомъ этой поѣздки были въ высшей степени интересныя путевыя записки о Крымѣ, съ природо-описательными картинами, историческими и археологическими замѣтками и даже слегка набросанными рисунками тѣхъ предметовъ, которые особенно останавливали на себѣ вниманіе путешественника (Соч. I. 93—107). Едва успѣлъ Гр. явиться къ своему служебному посту, какъ въ январѣ 1826 года получено было приказаніе арестовать его по

[1]) Кстати будетъ упомянуть тутъ для характеристики страстной и увлекающейся натуры Гр. объ его особой слабости къ женщинамъ, которыя хотя и заслужили однажды отъ него названія „крикливаго пола", (I. 187), но при случаѣ легко находили доступъ къ его сердцу (см. напр. его письма къ Н. А. Каховскому въ „Сборникѣ Моск. Общ. Люб Росс. Словесности" м. 1891, стр. 535—536, 538—539); въ письмѣ къ А. А. Жандру, 1825 года, онъ говоритъ объ этой своей слабости, которая ему „испортила полъ-жизни" (I. 176); въ письмѣ къ Бѣгичеву, того же года, онъ признается: (отъ этого чувства) я въ грѣшной моей жизни чернѣе угля выгорѣлъ" (I. 194)

подозрѣнію въ участіи въ декабрьскихъ событіяхъ 1825 года и немедленно доставить въ Петербургъ. Гр. былъ оправданъ и награжденъ чиномъ. Лѣтомъ 1826 года мы его видимъ въ Москвѣ, гдѣ честолюбивая мать беретъ съ него у иконы Иверской Божіей Матери торжественную клятву—очевидно противъ собственнаго желанія—продолжать дипломатическую службу. Въ февралѣ 1827 года главнокомандующимъ на Кавказѣ, вмѣсто Ермолова, назначенъ былъ родственникъ Грибоѣдовыхъ гр. И. Ѳ. Паскевичъ, передавшій въ вѣдѣніе Гр. дѣла по заграничнымъ сношеніямъ съ Персіей и Турціей. Онъ участвовалъ въ эриванскомъ походѣ, велъ выгодно кончившіяся для Россіи переговоры съ Аббасъ Мирзою и, какъ одинъ изъ выдающихся дипломатическихъ участниковъ этой войны, посланъ былъ гр. Паскевичемъ въ Петербургъ въ качествѣ вѣстника о заключенномъ 10 февраля 1828 года Туркманчайскомъ мирѣ. Въ мартѣ этого года Гр. прибылъ въ Петербургъ въ послѣдній разъ и уѣхалъ отсюда мѣсяца черезъ два, совершенно для себя неожиданно и противъ желанія, но къ великому удовольствію матери въ санѣ полномочнаго министра при персидскомъ дворѣ, щедро награжденный за предшествующую службу деньгами и чиномъ. Остальные мѣсяцы своей жизни вплоть до трагической смерти въ Тегеранѣ 30 января 1829 года отъ разъяренной толпы, провелъ Гр. въ хлопотливыхъ служебныхъ переѣздахъ и болѣзни; среди этихъ тревожныхъ и мрачныхъ дней жизни Грибоѣдова свѣтлой точкой блеснула женитьба его въ августѣ 1828 года на княжнѣ Н. А. Чавчавадзе и кратковременное семейное счастіе. Въ эти послѣдніе, самые безпокойные четыре года жизни Гр. научные вопросы и интересы не покидаютъ его: онъ проситъ то о той, то о другой книгѣ своихъ пріятелей (I. 216. 219. 225); заботится о лучшемъ помѣщеніи для общей пользы восточныхъ рукописей, добытыхъ въ войнѣ съ Персіей (I. 302); В. Ѳ. Одоевскому, по поводу занятій того философіей Шеллинга, пишетъ изъ Кіева 10 іюня 1825 года: „Милый мой мудрецъ, сердечно радуюсь твоимъ занятіямъ, не охлаждайся: онѣ всякой жизни придаютъ высокое значеніе“ (I. 203). Но писалъ онъ весьма немного; кромѣ упомянутыхъ путевыхъ записокъ о Крымѣ, къ этому времени еще относятся путевыя записки объ Эриванскомъ походѣ и о путешествіи по Эриванской области (1827 года), Два письма къ издателю „Сѣверной Пчелы“ о взятіи Карса и Баязета (1828 года), отрывки

изъ трагедіи „Грузинская ночь“ (1827—1828) да два-три небольшихъ стихотворенія. Большую часть своего времени Гр. употреблялъ на весьма ревностное выполненіе своихъ трудныхъ и отвѣтственныхъ служебныхъ обязанностей, требовавшихъ большого вниманія, сосредоточенности, осторожности и умѣнья, и на сложную оффиціальную переписку. Но причины этого упадка поэтической дѣятельности еще болѣе лежали въ состояніи духа Гр., которое въ это время сдѣлалось чрезвычайно мрачнымъ и безнадежнымъ. „А мнѣ такъ скучно, такъ грустно!—пишетъ онъ еще съ дороги изъ Ѳеодосіи Бѣгичеву 12 сент. 1825 года—Я съ нѣкоторыхъ поръ мраченъ до крайности. Пора умереть! не знаю, отчего это такъ долго тянется. Тоска невыносимая! Воля твоя, если это долго меня промучитъ, я никакъ не намѣренъ вооружиться терпѣніемъ; пускай оно остается добродѣтелью тяглаго скота. Представь себѣ, что со мною повторилась та ипохондрія, которая выгнала меня изъ Грузіи, но теперь въ такой усиленной степени, какъ еще никогда не бывало... Сдѣлай одолженіе, подай совѣтъ, чѣмъ мнѣ избавить себя отъ сумасшествія или пистолета, а я чувствую, что то или другое у меня впереди“ (I. 208). Черезъ три мѣсяца изъ Екатериноградской станицы, 7 дек. 1825 г. Гр. писалъ тому же своему другу, отвѣчая на его утѣшеніе и совѣты: „кромѣ здраваго разсудка есть во мнѣ какой-то внутренній распорядокъ, наклоняетъ меня къ мрачности, скукѣ, и теперь я тотъ же, что въ Ѳеодосіи: не знаю, чего хочу, и удовлетворить меня трудно. Жить и не желать ничего—согласись, что это положеніе не завидно“. (I 213). Общество живыхъ людей ему дѣлается противно; онъ ищетъ уединенія отъ нихъ (I. 204) и мысленнаго сближенія съ людьми, отошедшими въ вѣчность (I. 207). Другими онъ не доволенъ столько же, сколько и самимъ собой: „въ обыкновенныя времена никуда не гожусь—пишетъ онъ изъ Тифлиса Булгарину, 16 апр. 1827 года—и не моя вина: люди мелки, дѣла ихъ глупы, душа черствѣетъ, разсудокъ затмѣвается и нравственность гибнетъ безъ пользы ближнему“ (I. 226). Порою слѣдуя совѣтамъ друзей, онъ дѣлаетъ усилія сбросить съ себя эту мрачность и найти утѣшеніе въ простыхъ развлеченіяхъ жизни, но повидимому—безуспѣшно: „я принялъ твой совѣтъ—пишетъ онъ Бѣгичеву 9 дек. 1826 года—пересталъ умничать... со всѣми видаюсь, слушаю всякій вздоръ и нахожу, что это очень хорошо. Какъ-нибудь дотяну до смерти“. Въ этомъ же письмѣ, нѣсколько

далѣе, онъ намекаетъ и на причины своего мрачнаго настроенія: „Буду ли я когда-нибудь независимымъ отъ людей? Зависимость отъ семейства, другая отъ службы, третья отъ цѣли въ жизни, которую себѣ назначилъ, и, можетъ статься, наперекоръ судьбы... Мученіе быть пламеннымъ мечтателемъ въ краю вѣчныхъ снѣговъ“ (I. 222). И такъ зависимость отъ семьи т. е. гл. обр., отъ матери, направлявшей его, сообразно своимъ планамъ, по нежеланной ему жизненной дорогѣ [1]); зависимость отъ службы; зависимость отъ цѣли жизни, которую онъ не могъ найти, т. к. тратилъ свои душевныя силы на дѣло, въ которомъ не находилъ для себя удовлетворенія. Всѣ три зависимости, значитъ, могутъ быть сведены къ одной—отъ образа жизни, къ которому принуждала его противъ воли взятая служба. На это и самъ Гр. не разъ и совершенно опредѣленно указываетъ въ своихъ письмахъ: „я рожденъ для другого поприща“; говоритъ онъ въ цитованномъ уже письмѣ къ Булгарину (I. 226); „(службу) я ненавижу отъ всего сердца, не смотря ни на что, чтобы она ни обѣщала мнѣ въ будущемъ“ (I. 252), говоритъ онъ въ письмѣ къ П. Н. Ахвердовой отъ 3 окт. 1827 года, а въ другомъ письмѣ ей же (ноябрь 1828 года) пишетъ: „мне кажется, что я не вполнѣ на своемъ мѣстѣ; нужно бы побольше житейскаго такта, побольше хладнокровія. Дѣла портятъ мой характеръ; я дѣлаюсь угрюмымъ; иной разъ нападаетъ на меня охота остепениться, и тутъ уже я дѣйствительно глупѣю. Нѣтъ, я вовсе не гожусь для службы“ (I. 308). Въ писмѣ къ П. М. Устимовичу изъ Тавриза (1828 года) онъ въ особенности жалуется на свою службу въ Персіи: „Какъ тошно въ этой Персіи“ (I. 304), „у насъ здѣсь скучно, гадко, скверно. Нѣтъ! уже не испытать мнѣ на томъ свѣтѣ гнѣва господня. Я и здѣсь вкушаю довременно всѣ прелести тьмы кромѣшной“ (I. 326).

Если употребить очень старое сравненіе, то жизнь Гр. при концѣ уподобилась догорающей лампадѣ: она ярко вспыхнула прежде чѣмъ погаснуть, оставивъ на темномъ горизонтѣ душевнаго настроенія поэта блестящую и кратковременную полосу радости и счастья. Именно такими представляются тѣ немногія письма Гр., въ которыхъ идетъ рѣчь о его женѣ: тутъ

[1]) Въ 1825 году онъ писалъ В. Ѳ. Одоевскому: „Я почти увѣренъ, что истинный художникъ долженъ быть человѣкъ безродный. Прекрасно быть опорою отцу и матери во всякихъ случаяхъ жизни, но вниманіе къ ихъ требованіямъ, часто мелочнымъ и нелѣпымъ, стѣсняетъ живое, свободное, смѣлое дарованіе“ (I. 202—203).

къ нему возвращается его веселость, бодрость духа, энергія, хотя и прежнее настроеніе не совершенно исчезаетъ, и онъ какъ бы боится вѣрить въ такой рѣшительный поворотъ судьбы. Вотъ относящееся сюда замѣчательное мѣсто изъ письма Гр. къ г-жѣ В. С. Миклашевичъ изъ Эчміадзина, отъ 17 сентября 1828 года: „Какъ это все случилось? Гдѣ я, что и съ кѣмъ? Будемъ вѣкъ жить, не умремъ никогда?“ Слышите? Это жена мнѣ сейчасъ сказала ни къ чему—доказательство, что ей шестнадцатый годъ. Но мнѣ простительно-ли, послѣ столькихъ опытовъ, столькихъ размышленій вновь бросаться въ новую жизнь, предаваться на произволъ случайностей и все далѣе отъ успокоенія души и разсудка. А не зависимость, которой я былъ такой страстный любитель, исчезла можетъ быть навсегда, и какъ ни мило и утѣшительно дѣлить все съ прекраснымъ, воздушнымъ созданіемъ, но это теперъ такъ свѣтло и отрадно, а впереди такъ темно, неопредѣленно! Всегда ли такъ будетъ?“ (I. 277—278). Послѣднее изъ извѣстныхъ доселѣ писемъ Гр. и единственное обращенное къ его женѣ изъ Казбина отъ 24 дек. 1828 года, т. е. писанное почти лишь за мѣсяцъ до смерти, замѣчательно по цѣльности жизнерадостнаго настроенія и по несравненной красотѣ того чистаго и нѣжнаго чувства, которое его продиктовало (I. 332—334).

Такъ, съ возродившимися надеждами, но уже съ подломленной душей, лишенной необходимаго равновѣсія и однакоже страстно желавшей счастія и покоя, при истинно-трагической обстановкѣ, въ чужомъ краю, безъ семьи и друзей, сошелъ въ могилу Грибоѣдовъ. Смерть эта была по всей справедливости преждевременной, похитивши отъ Россіи великую умственную и литературную силу, отъ которой можно было еще многаго ожидать въ будущемъ. Но будучи внезапной и преждевременной, смерть эта, въ своихъ болѣе глубокихъ основаніяхъ, далеко не была случайной. Смерть Гр. напоминаетъ намъ также преждевременную и неожиданную для многихъ, но совсѣмъ не случайную смерть другого великаго нашего поэта—современника Грибоѣдова, А. С. Пушкина. Да и вообще между этими двумя необыкновенными людьми было много общаго. Оба они были въ высокой степени художественныя натуры, оба страстно любили свое поэтическое призваніе (I. 222). возвышенно, свято и необыкновенно добросовѣстно къ нему относились; оба видѣли въ трудѣ необходимый спутникъ таланта и геніальности (I. 186),

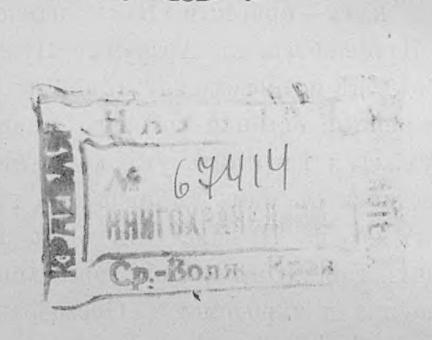
постоянно стремились къ пополненію и расширенію своего образованія; оба носили въ душѣ горячія національныя симпатіи, оба стремилисьпобыватьвъ чужихъ краяхъ и не побывали (I. 190. 194); оба испытали тяжелый нравственный гнетъ близкой среды, которая была ихъ ниже, не понимала ихъ возвышенныхъ стремленій и легкомысленно и эгоистически толкала ихъ на путь мишурныхъ служебныхъ или свѣтскихъ успѣховъ; оба лелѣяли въ душѣ идеалъ тихаго семейнаго счастія и мирнаго кабинетнаго труда; оба предчувствовали свою необыкновенную развязку (I. 165) и, наконецъ, оба они дѣйствительно пали жертвою разлада своихъ внутреннихъ стремленій съ тѣми, которыя были имъ извнѣ навязаны, внезапно и насильственно-трагически отошедши отъ этой жизни и оставивши послѣ себя хотя поздній, но назидательный урокъ тѣмъ, кто могъ считать себя въ этомъ близко заинтересованнымъ.

Мм. Гг., я не нахожу лучшаго окончанія для своей сегодняшней бесѣды какъ—привести Вамъ нѣсколько строкъ изъ поэтическаго „Путешествія въ Арзрумъ" Пушкина, гдѣ онъ говоритъ о Грибоѣдовѣ по поводу случайной встрѣчи тѣла убитаго поэта, обезображенные останки котораго возвращались его отечеству. „Не думалъ я встрѣтить уже когда-нибудь нашего Грибоѣдова. Я разстался съ нимъ въ прошломъ году въ Петербургѣ предъ отъѣздомъ его въ Персію. Онъ былъ печаленъ и имѣлъ странныя предчувствія... Онъ погибъ подъ кинжалами персіянъ, жертвой невѣжества и вѣроломства. Обезображенный трупъ его, бывшій три дня игралищемъ тегеранской черни, узнанъ былъ только по рукѣ, нѣкогда простреленной пистолетною пулей.

„Я познакомился съ Грибоѣдовымъ въ 1817 году. Его меланхолическій характеръ, его озлобленный умъ, его добродушіе, самыя слабости и пороки, неизмѣнные спутники человѣчества, все въ немъ было необыкновенно привлекательно. Рожденный съ честолюбіемъ, равнымъ его дарованіямъ, долго былъ онъ опутанъ сѣтями мелочныхъ нуждъ и неизвѣстности. Способности человѣка государственнаго оставались безъ употребленія; талантъ поэта былъ не признанъ; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась нѣкоторое время въ подозрѣніи. Нѣсколько друзей знали ему цѣну и видѣли улыбку недовѣрчивости, эту глупую, несносную улыбку, когда случалось имъ говорить о немъ какъ о человѣкѣ необыкновенномъ. Люди вѣрятъ только славѣ и не понимаютъ, что между ними можетъ находиться какой-

нибудь Наполеонъ, не предводительствовавшій ни одною егерскою ротою, или другой Декартъ, не напечатавшій ни одной строчки въ „Московскомъ Телеграфѣ". Впрочемъ движеніе наше къ славѣ происходитъ, можетъ быть, отъ самолюбія: въ составъ славы входитъ и нашъ голосъ"[1]).

Какъ показываетъ изученіе Гр., въ отзывѣ этомъ есть коекакіе невѣрныя черты, объясняемыя отчасти его непосредственной близостью къ страшному событію, но въ немъ слышится убѣжденный и негодующій голосъ великаго человѣка, который видѣлъ въ Гр. натуру себѣ близкую и сдѣлавшуюся жертвою роковыхъ обстоятельствъ жизни.

[1]) Сочиненія А. С. Пушкина, изд. Лит. фонда, т. IV, стр. 430—431.

10к.

Цѣна 25 коп.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Древнія поученія на воскресные дни великаго поста. Спб. 1886.

Къ вопросу о Кириллахъ—авторахъ въ древне-русской литературѣ. Спб. 1887.

Серапіонъ Владимирскій, русскій проповѣдникъ XIII вѣка. Спб. 1888.

Нѣсколько новыхъ данныхъ изъ научной и литературной дѣятельности А. Х. Востокова. Спб. 1890.

Изъ исторіи русской литературы XVII вѣка. Сочиненіе о царствіи небесномъ и о воспитаніи чадъ. Спб. 1893.

Матеріалы и замѣтки изъ исторіи древней русской письменности. I—III. Кіевъ 1894.

Очерки изъ литературной исторіи Синодика. Спб. 1895.

Замѣтки о нѣкоторыхъ рукописяхъ, хранящихся въ библіотекѣ Историко-филологическаго Института кн. Безбородко. Кіевъ 1895.

Письма Н. В. Гоголя къ Н. Я. Прокоповичу (1832—1850). Второе изданіе, свѣренное по подлинникамъ, исправленное и пополненное, съ присоединеніемъ четырехъ писемъ Н. Я. Прокоповича къ Н. В. Гоголю и двухъ фототипическихъ снимковъ. Кіевъ 1895.

Гимназія Высшихъ Наукъ князя Безбородко. Историческій очеркъ. Спб. 1895.

О нѣкоторыхъ басняхъ Крылова въ педагогическомъ отношеніи. Кіевъ 1895.